

УДК 343.98

Нормативное обеспечение применения искусственного интеллекта в судебной экспертизе по уголовным делам¹

Шагапов Исаак Равильевич, аспирант, Уфимский университет науки и технологий, isa.shagapow@gmail.com

В статье исследуются вопросы нормативного обеспечения применения искусственного интеллекта в судебной экспертизе по уголовным делам. Рассматриваются пределы использования алгоритмических средств в экспертной деятельности, значение процессуальной формы, требования к верификации программного обеспечения, раскрытию сведений о примененном инструменте и воспроизводимости экспертного исследования. Обосновывается, что отсутствие специальных предписаний в уголовно-процессуальном законодательстве и законодательстве о государственной судебно-экспертной деятельности затрудняет оценку допустимости и достоверности заключения эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертиза, специальные знания, заключение эксперта, уголовный процесс, доказательства, искусственный интеллект, правовое регулирование, верификация.

Развитие цифровой среды поставило перед уголовным судопроизводством вопрос о пределах правомерного использования искусственного интеллекта в экспертной деятельности. Для расследования преступлений, совершенных с применением алгоритмических систем, значение судебной экспертизы заметно возрастает, поскольку именно она позволяет установить происхождение цифровых следов, механизм работы исследуемого программного средства и связь технического результата с обстоятельствами дела. На этом фоне особую значимость приобретает не только возможность обращения к новым инструментам анализа, но и наличие понятной нормативной основы, которая определяет условия их применения, порядок оформления результатов и пределы последующей оценки заключения эксперта.

Проблема правового регулирования заключается в том, что действующие нормы уголовно-процессуального закона формировались в иной технологической ситуации и не были рассчитаны на использование самообучающихся систем, способных влиять на ход экспертного исследования. Отсутствие специальных предписаний не означает запрета на применение искусственного интеллекта, однако создает правовую неопределенность при разрешении вопроса о допустимости заключения эксперта, основанного на результатах алгоритмической обработки данных. В научной литературе справедливо подчеркивается, что регулирование искусственного интеллекта не может строиться по модели полного невмешательства, поскольку в такой ситуации правоприменитель лишается четких критериев оценки его использования [1, с. 82].

Для уголовного процесса принципиально важно, что искусственный интеллект не выступает самостоятельным субъектом доказывания и не способен подменить эксперта как участника процессуального действия. Заключение эксперта сохраняет свою юридическую природу только тогда, когда итоговый вывод является результатом исследования, проведенного уполномоченным лицом, предупрежденным об ответственности и способным объяснить содержание своих выводов.

Именно поэтому в доктрине обоснованно проводится мысль о том, что применение интеллектуальных технологий должно рассматриваться как использование вспомогательного средства в рамках процессуально регламентированной деятельности, а не как автономный источник доказательственной информации [2, с. 19].

Недостаточность общего регулирования особенно заметна при обращении к ст. 74, 80, 88, 195 и 204 УПК РФ. Эти нормы позволяют включать заключение эксперта в систему доказательств,

назначать экспертизу и оценивать ее результаты, но не дают ответа на вопрос, какие сведения о программном обеспечении должны быть раскрыты в самом заключении и в каком объеме суду и сторонам должна быть предоставлена информация о примененном алгоритме. При отсутствии такой конкретизации следователь и суд получают итоговый вывод, правовая ценность которого зависит не только от компетентности эксперта, но и от качества той цифровой системы, использование которой остается за пределами надлежащего процессуального описания.

В судебно-экспертной деятельности это означает необходимость более точного закрепления требований к содержанию заключения эксперта. В документе должны быть отражены сведения о наименовании и версии программного продукта, об условиях его применения, о характере исследованных данных, о действиях эксперта по проверке промежуточных и итоговых результатов. Е. Р. Россинская, оценивая перспективы внедрения нейросетевых решений в судебную экспертологию, обращает внимание на то, что нормативная база должна опережать широкое распространение соответствующих технологий, иначе практическое использование новых инструментов неизбежно будет сопровождаться сомнениями в научной обоснованности и доказательственной силе экспертных выводов [3, с. 21].

Особое значение имеет принцип прозрачности. Для уголовного процесса недостаточно самого факта получения ответа с помощью цифровой системы. Важно, чтобы участники процесса могли понять, на каких исходных данных строилось исследование, в каком порядке применялся алгоритм и в какой мере полученный результат поддается проверке. Ю. С. Харитоновна обоснованно связывает правовую допустимость использования искусственного интеллекта с обеспечением прозрачности его функционирования, поскольку именно прозрачность позволяет оценить обоснованность применения алгоритма и исключить ситуацию, при которой техническая сложность фактически подменяет собой процессуальную проверяемость доказательства [4, с. 337].

Отсутствие специальных правил в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» также осложняет правоприменение. Закрепленные в нем принципы объективности, научной обоснованности и полноты исследования сохраняют свое значение и при использовании искусственного интеллекта, но без дополнительной нормативной конкретизации их применение остается слишком общим. В

¹ Научный руководитель: Аминев Фарит Гизарович — профессор кафедры криминалистики, Уфимский университет науки и технологий, доктор юридических наук, профессор.

современных условиях требуется прямое указание на необходимость верификации тех систем, которые применяются в экспертной практике, а также на обязанность экспертного учреждения обеспечивать использование проверенных программных средств и подготовку специалистов, способных не только применять алгоритм, но и оценивать правовые последствия его использования.

Существенное значение имеет и вопрос о воспроизводимости исследования. Когда результат формируется на основе сложной модели, для стороны защиты и для суда становится принципиальным наличие возможности повторной проверки. Если эксперт не раскрывает порядок работы с исходными данными и не описывает процедуру контроля полученного результата, то фактически создается риск использования непроверяемого технического вывода в качестве доказательства. Н. Е. Вашеньяк справедливо отмечает, что правовой статус искусственного интеллекта в судопроизводстве невозможно определить вне обсуждения его этических и процессуальных пределов, поскольку отсутствие таких пределов способно привести к подмене юридической оценки ссылкой на авторитет технологии [5, с. 371].

Для дел, связанных с применением искусственного интеллекта, проблема правового закрепления тесно связана с предметом доказывания. Суду и следствию приходится устанавливать не только обстоятельства совершенного деяния, но и условия функционирования использованной системы, характер воздействия человека на алгоритм, качество исходных данных и пределы влияния программного продукта на конечный результат. Н. В. Шмяткова указывает, что в подобных делах требуется иной подход к оценке доказательств, при котором проверке подлежит не только достоверность фактических данных, но и корректность того алгоритма, посредством которого эти данные были получены или обработаны [6, с. 65].

Из этого следует, что нормативное обеспечение должно охватывать несколько взаимосвязанных уровней. На уголовно-процессуальном уровне необходима более точная регламентация порядка отражения сведений о примененном алгоритме в заключении эксперта и критериев оценки такого заключения. На уровне специального закона требуется закрепление правил верификации и учета допустимых к применению систем. На уровне материаль-

ного права возникает вопрос об ответственности за создание и использование алгоритмических средств, если они применяются для нарушения прав личности, фальсификации информации или сокрытия следов преступления. Речь идет не о расширении нормативного массива ради формального усложнения регулирования, а о создании устойчивой правовой конструкции, позволяющей увязать технические возможности с гарантиями уголовного процесса.

С практической точки зрения особую роль приобретает формирование цепочки ответственности. Даже при сохранении ведущей роли эксперта нельзя игнорировать значение разработчика, поставщика или администратора системы, если именно от их действий зависит корректность работы используемого инструмента. В отсутствие правовых требований к верификации и сертификации программного обеспечения экспертное учреждение рискует использовать продукт, качество которого не прошло надлежащей проверки. В результате сомнения возникают не только в содержании конкретного заключения, но и в самой законности обращения к соответствующей системе в пределах экспертного исследования.

Нормативное закрепление не должно восприниматься как препятствие для технологического развития судебной экспертизы. Напротив, четкая регламентация создает условия для правомерного и устойчивого использования новых средств, снижает риск судебных ошибок и укрепляет доверие к доказательственной деятельности. При наличии понятных требований к прозрачности, проверяемости, воспроизводимости и верификации искусственный интеллект может действительно усиливать экспертное исследование, а не становиться источником новых процессуальных споров.

При таких условиях дальнейшее совершенствование законодательства следует связывать с уточнением процессуальной формы заключения эксперта, с развитием положений Федерального закона N 73-ФЗ и с формированием единых критериев допуска алгоритмических средств в судебно-экспертную практику. Юридическое значение здесь имеет не сама цифровая новизна инструмента, а соответствие его использования основным началам уголовного судопроизводства, праву на защиту и требованиям оценки доказательств. Только при таком подходе применение искусственного интеллекта в судебной экспертизе сможет получить устойчивое нормативное основание и не вступит в противоречие с гарантиями законности.

Примечания

1. Минбалеев А. В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. N 4.
2. Хисамова З. И., Бегиев И. Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. N 2.
3. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. N 3.
4. Харитонова Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. N 1.
5. Вашеньяк Н. Е. Сложные правовые аспекты, связанные с использованием искусственного интеллекта // Вестник науки. 2023. N 12.
6. Шмяткова Н. В. Особенности предмета доказывания при совершении преступлений против общественной безопасности, совершаемых с использованием систем искусственного интеллекта // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. N 8.

English version

Regulatory framework for the use of artificial intelligence in forensic examination in criminal cases

Shagapov Isaak Ravil'evich, postgraduate, Ufa University of Science and Technology

This article examines the regulatory framework governing the use of artificial intelligence in forensic examination in criminal cases. It considers the limits of using algorithmic tools in expert activities, the significance of procedural form, and the requirements for software verification, disclosure of information about the tool used, and the reproducibility of expert examination. It is argued that the absence of specific provisions in criminal procedure legislation and in the legislation governing state forensic expert activity complicates the assessment of the admissibility and reliability of the expert opinion.

Keywords: forensic examination, specialized knowledge, expert opinion, criminal procedure, evidence, artificial intelligence, legal regulation, verification.